

ВОЗМОЖНО ЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ИННОВАЦИОННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ?

М.Ю. МИЗУЛИН

Сразу даю ответ на поставленный в заголовок текста вопрос – инновационное политическое развитие в современной России практически невозможно. Шанс, правда, есть. Но это шанс на не слишком инновационное развитие, поскольку возможности для его осуществления, по нашему мнению, сосредоточены вне сферы традиционных ожиданий и предположений. Инновационность современной российской политики находится за пределами устоявшихся форм политического мышления и действия. Ее содержание, формы и смысл будут понятны из предлагаемого текста как излагающего один из возможных подходов и взглядов на существующую проблему.

Для начала необходимо привести аргументы в пользу обозначенного вывода о фактической и практической невозможности инновационного политического развития в России. Аргументы для такого вывода таковы: Россия в ее сегодняшней форме далеко не современна; в условиях и при отсутствии современных форм общественного бытия говорить о политических инновациях преждевременно. «Демократии в наших странах являются слабыми, политическая система неустоявшейся, а правовой режим – достаточно неопределенным»¹.

Главная проблема нашего общества – безраздельный социальный монополизм как состояние и условие отсутствия принятых в современном мире коммуникативных практик и правил поведения. При таких огромных пространственных масштабах, как в России, монополизм порождает никем и никоим образом не контролируемый процесс его территориально-субъектного копирования. Результатом такого процесса, как правило, выступает нечто совсем не предполагаемое центром и не контролируемое самим монопольным органом. Страна при таком положении дел становится несовременной в силу отсутствия прозрачности, предсказуемости и должной открытости. Появляются в массовом порядке многочисленные мутационные состояния и процессы. Не возникают новые социальные практики, которые могут конвертироваться в иные государственные и социальные пространства, создавать возможности и условия конкурентноспособности страны, служить примером

и эталоном современной модернизации, качества и уровня жизни социума.

Если рассматривать только политический монополизм, то он полностью исключает влияние граждан на власть, присвоенную узким слоем управленцев-политиков, которые не персонифицируются как самостоятельные акторы политического действия и политической ответственности. Бесконтрольная бюрократическая пирамида, чувствуя полную безнаказанность, произвольно раздает земельные участки, бюджетные подряды, лицензии и льготы узкому кругу приближенных фирм, рождая тем самым монополизм экономический.

Результат экономического монополизма — завышение цен на рынке товаров и занижение заработной платы, подавление самостоятельной предпринимательской инициативы. Отсутствие цивилизованной конкуренции исключает отбор и продвижение наиболее эффективных производителей товаров и услуг. Все большая доля материальных ценностей концентрируется в руках коррумпированных криминальных кланов. Другая часть общества, лишенная доступа к дорожающим образовательным и медицинским услугам, к передовым техническим средствам, отбрасывается на обочину жизни, погружается во тьму бескультурия. Как следствие, возникает колоссальное имущественное расслоение, которое ведет к вопиющему юридическому неравенству. Законодательные и официальные правовые механизмы в таких условиях неизбежно дают сбой. Формируется система «правового апартеида», при которой граждане, не принадлежащие к бизнес-элитной вертикали политики и власти, лишаются полноценного права на судебную защиту, помощи правоохранительных органов, теряют возможность активно участвовать в политической жизни, выдвигаться в органы власти, влиять на выработку и принятие государственных и политических решений. В итоге еще сильнее становится политический монополизм, вырождающийся в коррупционную олигархию и самодостаточную внутривластную жизнь, ничего общего не имеющую с публичной гражданской политикой.

В теоретико-концептуальном плане постановка вопроса об инновационном политическом пути для современной России в целом правильная. В интеллектуальном плане обозначенная проблематика не вызывает возражений. Многие согласятся с тем, что необходим постоянный поиск современных идей, позволяющих надеяться на политическое обновление.

При этом следует признать, что такие идеи будут плодотворны, если будут востребованы общественной средой и практикой политической жизни. Бессмысленна политическая инновационность сама по себе. Желательна ее практическая результативность и публичная самоотдача.

Однако в этом видится большая проблема: востребованным в современных российских условиях является, как правило, нечто традиционное и привычное. Инновационное развитие и инновационные процедуры постоянно затушевываются и выводятся из центра общественного действия. Нет институциональных форм и практики его поддержки и защиты. Отсутствует опыт «политической инновационной адвокатуры». Невежество торжествует благодаря слабости, нестойкости, а иногда и отсутствия необходимой «силы воли» общественного развития-обновления. В этом смысле постановка вопроса о политических инновациях обязательно должна быть сопряжена с постановкой вопроса и разработкой предельно приближенного к практике проекта по внедрению этого механизма в жизнь с обязательным комплексом защитительных мер и процедур. Точно так же, как в современной юриспруденции развитие процессуального права опережает развитие права материального, в политологическом сообществе проблематизация «формы», понимаемой как условие и среда существования политических инноваций, должна разрабатываться, опережая «содержание» — сами политические инновации как таковые.

Для обоснования возможности практического внедрения политических инновационных программ необходимо четко отразить ошибки и сложности политического развития России за последние 20 лет. К их числу следует отнести: неумный политический авантюризм, дополненный волюнтаризмом и упрямством представителей практически всех политических сил и институтов; отсутствие последовательности действий и исторической памяти; фантастическую склонность к фальсификациям и слепую веру в эти фальсификации; запредельную склонность к имморализму и околупреступному поведению, зачастую переходящему в патологическую склонность к правонарушениям.

Основной причиной неразвитости самой политической сферы следует считать отсутствие понимания политическими акторами и политической элитой особенностей политического развития событий, самобытности политического мышления и

действия, отсутствие способности различать политику и экономику, политику и бизнес, политику как целое и все остальное как частное. Неспособность различать мир политический и мир неполитический — вот основная причина достаточно полного краха реальных политических процессов в современной России и, как следствие этого, современности самой страны. Часто мы не производим различия и не признаем политическую самость в тех ситуациях, когда они политичны по своей сути и содержанию. В силу этого политика не институционализирована в России как процесс и состояние и представляет собой непрерывную импровизационную имманентность. Предстоит длительный и сложный процесс привыкания к наличию и эффективности плюрального политического действия, в своем суммарном выражении дающего образцы развития, стабильности, исторической памяти и коллективного общественного действия.

Сжатие и выхолащивание объема и спектра политического действия как мера стабилизации и развития страны в последнее десятилетие — вещь еще не познанная в полной мере и во многом практически непознаваемая. В этой фазе современного политического процесса российские политики последнего десятилетия обучены не публичному политическому действию, а способности чинопоследования и умолчания. Очень сложно уловить в их действиях те или иные черты реального политического поступка. При этом ясно, что понять и представить современный политический процесс можно только в точке его появления, проявления или окончательного упадка. Партии, находящиеся в ведении спецслужб, административного, а также информационного давления, делают все, чтобы «рихтовать» реальные политические процедуры и, следовательно, самым активным образом способствуют тому, чтобы сам по себе политический процесс был непознаваем. Этот же процесс, но в гораздо более скрытых формах, наблюдается в системе государственной службы и муниципального самоуправления. Получается, что политический процесс сконструирован под подконтрольные и контролируемые институты и структуры, которые по своей реальной жизнедеятельности никакой политической инноватики создавать не могут. Инноватика всегда рождается в напряженной, предельно раскрытой, а не закрытой среде.

Следовательно, можно либо констатировать, что политики как практики общественных изменений в условиях современной России нет как таковой, либо признать, что ин-

новационно-политическое предложение вырабатывается где-то в другом месте.

Представляется, что первое предположение неверно, так как общественные изменения, хотя и в недостаточном объеме, темпе и качестве, но все же происходят. Остается в качестве исходного основания для рассуждений принять второе предположение: площадкой создания и конструирования форм и содержания политической инноватики в современной России выступают не собственно публичные политические акторы, агенты и институты, а иные околополитические лица. Следует констатировать, что именно они работают в других, закрытых или открытых пространствах, никакого отношения к практической политике не имеющих.

С нашей точки зрения, этими местами продуцирования новых инновационных идей и проектов можно считать сферы искусства, литературы², религии и в какой-то мере неправового (ненормативного) поведения. Идолы и идеалы рождаются и создаются, несомненно, в этих сферах. Именно там, в зонах достаточно широкой свободы творчества, возникает нечто инновационное применительно к общественному развитию нашей страны.

При этом еще раз повторим, что познать и понять до конца современный политический процесс не представляется возможным в силу невозможности обнаружения того, чего нет в природе открытых и публичных политических общественных отношений. Страна в последние годы встала на путь не политического, а закрытого, или тайного, управления, а это, в свою очередь, значит, что политические проекты и политические сценарии развития в ней возможны только при понимании того, что сами они есть нечто привнесенное из тайного, или закрытого, пространства. Создатели и исполнители этого процесса далеко не одни и те же люди и институты. Все попытки войти в политический дискурс с исполнителями без согласования с владельцем политической собственности бесперспективны, равно как и бесперспективны попытки практической инновационной деятельности в этих проектах. Необходимо инициировать «политическое пришествие» инноватики из других пространств, к примеру, из сфер прекрасного, веры, политической юриспруденции и, даже, девиантного поведения.

К последнему мы никого не призываем, просто подчеркиваем лишь то, что ненормативное мышление и поведение как

некий рудиментарный признак, слишком явно находится на поверхности общественных процессов и не замечать этого просто невозможно.

Призыв же видеть возможности продуцирования политических инновационных ходов и сюжетов в сферах искусства, веры и политической юриспруденции выдвигается как главный и ключевой. Политическое должно быть прекрасно. Безобразное из политического поля должно устраняться, если не всеми, то правовыми методами как минимум. Государство и власть, не верующие в самое себя и сами же созданные институциональные формы, обречены на провал. Только вера и красота могут предотвратить кризис политического действия и практическое отсутствие политического пространства как такового. Там же возможны политические инновации, как впрочем, они возможны и в сфере политической юриспруденции. Для того чтобы они заработали в этой сфере, необходимо лишь малое — признать и понять, что право в современном мире есть состояние и достояние не столько государства и власти, сколько общественных движений, союзов, конгломератов, групп и просто ярких индивидуальностей. Оно в современном мире создается в сфере сосуществования и со-бытия различных культур и этнических практик³.

На первый взгляд кажется, что текст настоящей статьи по своей сути сам себя опровергает. Получается, что политическое инновационное развитие в современной России возможно при понимании и признании того факта, что пространством и условием такого процесса является неполитическая сфера. При этом имеется в виду не неполитическая сфера в целом и не все ее части, а, например, сферы эстетики, литературы, религии, юриспруденции. Кроме того, вызывают опасение те, кто в этих сферах создает политические инновации и может быть «привлечен под крыло» административного и информационного контроля. Получается, что путь политических инноваций лежит через недопустимость распространения административного и информационного контроля на неполитическую сферу. Именно это направление необходимо рассматривать как форму современного инновационного проектирования, как предпосылку последующей собственной содержательной политологической работы.

Отсюда следует, что на данном отрезке времени для России возможны только политические инновации «сопротивле-

ния», обеспечивающие недоступность административного и информационного контроля государственной власти в сферах искусства, литературы, религии и политической юриспруденции. При таком состоянии и условии возможен постепенный переход к практике реального политического инновационного действия и к формированию устойчивой политической инновационной среды в рамках самой политической системы с горизонтом придания России вектора и статуса современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коммерсант. 2009. 2 сентября.

² Достаточно указать на произведение Владимира Сорокина «День опричника» (М., 2008), в котором автор предельно лаконично, обильным литературным языком описывает современный российский политический процесс.

³ См.: Ковлер А.И. Антропология юридическая // Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юрист, 2001. — С. 46 — 47; Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 1997; Clifford J. The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. — Cambridge: Harvard University Press, 1988; Pospisil L. Anthropology of Law: A Comparative Perspective. — N.-Y.: Harner & Row, 1971.

Аннотация

Ключевые слова: *демократия, искусство, политическое развитие, политическая система, Россия.*

В статье описываются возможные пути инновационного политического развития современной России, а также рассматривается сама возможность, или невозможность инноваций в политическом процессе. Представлена весьма убедительная аргументация в пользу основных тезисов относительно состояния развития демократии, правовых основ политической системы, культуры и искусства. Основным положением статьи является предложение выхода из сложившегося тупика с помощью выработки системных решений социально-политического характера.

Summary

Keywords: *Arts, democracy, innovation, political development, political system, Russia.*

The article describes possible ways of innovative political development of modern Russia, as well as consider the mere possibility or impossibility of innovation in the political process. The article presents a compelling argument in favor of the main theses about the state of development of democracy, the legal basis of the political system, culture and art. The main provision of article is to offer a way out of the impasse on the way of development systemic solutions to the social-political nature.